

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.29>

Юровицкая Лариса Николаевна, Юровицкий Станислав Витальевич

ОПЫТЫ КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В КЛАССИЧЕСКОМ РАЦИОНАЛИЗМЕ XVIII-XX ВЕКОВ

В статье рассматривается становление понятия критического, дается анализ концепций И. Канта, А. Шопенгауэра и Н. Гартмана как базовых фигур критической философии. Показывается гносеологический характер кантовского критицизма, раскрывается онтологическая сущность концепций А. Шопенгауэра и исследуется проект критической онтологии Н. Гартмана. Делается вывод об онтогносеологическом характере критической философии, который является следствием синтеза двух подходов: онтологического и гносеологического. Обозначается перспектива возможности априорной топологии критических состояний.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/29.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 156-160. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1:5; 1:6; 001.8:5; 001.8:6

Дата поступления рукописи: 10.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.29>

В статье рассматривается становление понятия критического, дается анализ концепций И. Канта, А. Шопенгауэра и Н. Гартмана как базовых фигур критической философии. Показывается гносеологический характер кантовского критицизма, раскрывается онтологическая сущность концепций А. Шопенгауэра и исследуется проект критической онтологии Н. Гартмана. Делается вывод об онтогносеологическом характере критической философии, который является следствием синтеза двух подходов: онтологического и гносеологического. Обозначается перспектива возможности априорной топологии критических состояний.

Ключевые слова и фразы: онтология; гносеология; онтогносеология; кризис; критическое мышление; критическое состояние; закон достаточного основания.

Юровицкая Лариса Николаевна, к. филол. н., доцент
Самарский государственный технический университет
yuro-lari@mail.ru

Юровицкий Станислав Витальевич, к. филос. н.
Академия для одаренных детей (Наяновой), г. Самара
yustas79@yandex.ru

ОПЫТЫ КРИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В КЛАССИЧЕСКОМ РАЦИОНАЛИЗМЕ XVIII-XX ВЕКОВ

Тот путь, который прошел чистый разум в погоне за чистой априорной сущностью вещей, с большим трудом поддается хронологизации, невзирая на то, что с формальной точки зрения он достаточно четко укладывается в привычные рамки исчисления времени. **Целью** данной работы является изучение трех концепций критической философии: И. Канта, А. Шопенгауэра и Н. Гартмана, – рассмотренных в диахроническом порядке и объединенных общей предметной областью – критической философией. Ситуация, в которой философская мысль оказалась в настоящий момент, не следует с неизбежностью из логики ее собственного становления. Это означает, что философия лишена телеологической перспективы и, как следствие, подвержена критическим состояниям, причина которых может заключаться как в ней самой, так и вне ее. В этом и состоит смысл термина «кризис философии», значение которого до настоящего момента с точностью не определено. Однако очевидно, что оно (значение) является «производной» от термина «критическое состояние». Кризис мысли, как правило, всегда сопутствует общецивилизационному кризису, снятие которого ведет к становлению философии на качественно новых основаниях. Это означает, что исследование критической философии приобретает особую **актуальность** в связи с тем состоянием, в котором философия находится в настоящий момент. **Научная новизна** работы выражается в том, что впервые сопоставлены три оригинальные концепции вышеуказанных мыслителей и выведен путь критической философии от гносеологии через онтогносеологию к онтологии.

Философия критична по самой своей природе, но ее внутренний критицизм не носит деструктивного характера. Снимая противоречия внутри себя, она вплоть до XX века никогда не отрицала собственных оснований, что, невзирая на критичность по отношению к предыдущим эпохам, гарантировало ей некую преемственную целостность мысли. Философия же XX века отвергла классический рационализм, что привело ее к такому состоянию, при котором основания этого классического рационализма принципиально перестают быть понимаемыми, что приводит к утрате не только преемственности мысли, но и к дискредитации философии как отношения к действительности в целом. Несмотря на кажущуюся непреодолимость современного кризиса в философии, следует отметить, что такая ситуация в ней происходит не в первый раз. Можно выделить несколько переломных моментов, самым значимым из которых, на наш взгляд, является период XVIII века. В то время философия была еще далека от дефолта собственной значимости и сохраняла свою приверженность классическому канону мышления в преодолении собственных критических состояний. Наиболее характерным примером этой ситуации выступает философия Иммануила Канта, который был фактически первым, кто ввел понятие «критика» в философский обиход. Его система категорий и антитетика чистого разума задали ту семантическую систему координат, в которой критическое мышление смогло быть представлено во всей своей полноте, и сформировали предпосылки к появлению онтогносеологического метода, который максимально раскрылся в наследии М. А. Лифшица. Именно его подход позволяет наметить синтетические предпосылки к своеобразному совпадению онтологии и гносеологии в отдельных философских задачах, избежав при этом смещения прецедентов закона достаточного основания. А. Н. Муравьев по этому поводу замечает: «Изобретённый им термин *онтогносеология* был для мыслителя синонимом теории отражения в сознании человека истины действительного бытия» [6]. А. Н. Огнев полагает, что онтогносеология находит свое применение в диалектическом стиле мышления: «Специфика онтогносеологического понимания диалектики... состоит в том, что... речь идет... о логосе выражения, позволяющем раскрыть классическое

содержание сущности в статусе нормы бытия, как тому учил М. А. Лифшиц» [7, с. 25]. Сам М. А. Лифшиц утверждает: «Выскочить из мысли нельзя так же, как нельзя выскочить из факта. Вот где уместно соображение о том, что мысль есть, как и бытие. Но она есть как мысль, следовательно, бытие мыслимо. Во всем этом есть элемент старой онтологии, старого тождества бытия и мышления, но – как уже указывалось выше – с той разницей, что бытие и мышление тождественны не в бытии, не фактически, а в логосе, в разумном содержании того и другого, в бытии же они различны и грань между ними есть» [5]. Кантовская же система антиномий чистого разума формирует принципы трансцендентальной антитетики, которая выявляет противоречия в догматической системе знаний, создавая, тем самым, систему истинных противоречий, раскрывающих свое содержание в антиномиях: «...под антитетикой я разумею не догматические утверждения противоположного, а противоречие между догматическими по виду знаниями... из которых ни одному нельзя отдать предпочтение перед другим. Следовательно, антитетика занимается вовсе не односторонними утверждениями, а рассматривает общие знания разума только с точки зрения противоречия их между собой и причин этого противоречия. Трансцендентальная антитетика есть исследование антиномии чистого разума, ее причин и результатов» [4, с. 400].

Антиномии чистого разума определяют, на наш взгляд, в числе прочего фундаментальные границы онтологии, поскольку все философские вопросы, относящиеся к онтологии, в своих предельных основаниях могут быть сведены к одной из четырех антиномий. Раскладывая каждую антиномию на тезис и антитезис и создавая каждому из них равновесное к противоположному утверждению доказательство, Кант насыщает область онтологии гносеологическим смыслом, демонстрируя, тем самым, принципы работы чистого разума по отношению к внешнему для него опыту, что в известной мере предполагает принцип тождества означающего и означаемого. В данном случае критическая способность чистого разума есть гносеологический эквивалент принципа диалектического противоречия универсума, что отражается в равнозначности тезиса и антитезиса кантовских антиномий. Примечательно, что, развернув систему границ онтологии через диалектические противоречия, Кант не пожелал их снять, как это чуть позже делал Гегель. Оставляя антиномию неснятой, Кант подчеркивает не нерешаемый характер ее противоречия, а критическую способность чистого разума создавать его. Отдавая должное диалектике, Кант называет подобный метод суждения скептическим. При этом он всячески дистанцируется от прежнего скептицизма, обвиняя его в невежестве и нигилизме: «Этот метод можно назвать *скептическим*. Он совершенно отличен от *скептицизма*, [т.е.] от принципа искусного и ученого невежества, подрывающего основы всякого знания, чтобы по возможности нигде не оставить ничего достоверного и надежного в знании» [Там же, с. 401-402]. В этой мысли Канта содержится вызов всему французскому Просвещению и, в частности, Д. Дидро, писавшему: «...лучше искренне признаться: *Я ничего не знаю*, чем бормотать слова и вызывать жалость к себе потугами все объяснить» [Цит. по: 3, с. 14]. Враждебное всей рационалистической метафизике XVII века, французское Просвещение вызывало у Канта неприязнь, причем не столько своим атеизмом или агностицизмом, сколько насмешливым скепсисом по отношению к притязаниям разума на какую-либо метафизическую истинность. Подобная позиция в глазах Канта означала абсолютный отказ от гносеологии как области философского знания, отказ разума от результатов своей деятельности; то есть философия французских просветителей для Канта была, скорее всего, тем же самым, чем и была чуть позднее философия Гегеля для Шопенгауэра – чистым шарлатанством. Это подкрепляется также и тем, что к числу наиболее повлиявших на него философов Кант относил Г. В. Лейбница и, вероятно, Х. Вольфа. Это признанные лидеры того движения мысли, на которое французские энциклопедисты обрушивали всю мощь своей обличительной критики. Именно поэтому Кант отдельно и поясняет термин «скептический метод», считая нужным дистанцироваться от того его значения, которым его наградила французская философия того времени. Таким образом, Кант сближает понятия скепсиса и критики, видя их задачу не в сомнении достоверности данного разумом, а в установлении его истинности. Это означает, что он отказывается от общепринятой негативной коннотации скептицизма и критицизма, сообщая им позитивный смысл. Поэтому именно в «Критике чистого разума» Кант отказывается от дефиниции априорных понятий, утверждая, что они ей почти не поддаются. Признавая за априорными понятиями лишь возможность экспозиции, он, тем самым, выражает критическое сомнение относительно возможности дефинитивной полноты априорного понятия. Из этого следует, что даже на уровне определения Кант допускает возможность антиномии в любом априорном понятии. Таким образом, чистое критическое мышление оказывается способным обнаружить внутреннее противоречие в априорной сущности как минимум на уровне определения.

Вместе с тем в кантовской философии понятие скепсиса и критицизма нельзя отождествлять полностью. В «Критике чистого разума» он выделяет три стиля научного мышления: догматику, скептику и критику: «Что касается сторонников научного метода, то перед ними выбор: действовать либо *догматически*, либо *скептически*, но они при всех случаях обязаны быть *систематичными*. Открытым остается только *критический* путь... читатель... может теперь судить, нельзя ли... превратить эту тропинку в столбовую дорогу и еще до конца настоящего столетия достигнуть того, чего не могли осуществить многие века, а именно, доставить полное удовлетворение человеческому разуму в вопросах, всегда возбуждавших жажду знания, но до сих пор занимавших его безуспешно» [4, с. 695]. Кант полагает, что догматизм и скептицизм – это прошлое философии, в то время как критицизм – это ее будущее. Именно критический научный метод, по мысли Канта, и позволит философии разрешить все ее основные вопросы. Именно эту программу развития критического научного метода Кант последовательно осуществит в своем Критическом корпусе.

По нашему мнению, вся немецкая классическая философия, родоначальником которой он являлся, в той или иной мере осуществляла эту кантовскую программу. Так, Гегель, будучи по кантовской классификации абсолютным догматиком, в своих «Лекциях по истории философии» создает поистине революционное понимание философского процесса в целом, достаточно жестко критикуя своих предшественников. Именно Гегель сформулировал каноническое определение трех законов диалектики, которые составляют фундаментальный базис критического мышления в целом.

Последним из представителей этого периода был Артур Шопенгауэр. Почти всегда его относят к философии второй половины XIX века, но никак не к Немецкой классике, традиционно завершая ее Л. Фейербахом. По нашему мнению, это ошибочное утверждение, поскольку он является продолжателем тех традиций немецкой классической мысли, которые не унаследовали в должной мере ни неокантианцы, ни младогегельянцы. Именно Шопенгауэр был последним в своем времени, кто обращался к «великим метафизическим проблемам», в то время как неокантианцы и младогегельянцы отказались от них, повернув магистральный вектор философии в социально-антропологическую проблематику. В базовых работах Шопенгауэра мы неоднократно встречаем критику предшествующей ему философии. Вместе с тем, в отличие от своих современников, Шопенгауэр активно пользуется понятийным и терминологическим аппаратом предшествующей философии. Это относится, в первую очередь, к философии И. Канта и Х. Вольфа. Эти тенденции проявляются в работах «О четверояком корне закона достаточного основания» и «Критике кантовской философии». В чуть меньшей мере эта тенденция присутствует в его главном труде «Мир как воля и представление».

Для критической теории наследие Шопенгауэра представляется исключительно ценным в двух основных аспектах – это его изыскания в области закона достаточного основания и отношение к критике как методу философии. Создав учение о законе достаточного основания в его законченной полноте, Шопенгауэр, тем не менее, использует базовое определение закона, не им созданное, о чем он напрямую пишет: «Я выбираю форму Вольфа как наиболее общую: *Nihil est sine ratione, cur potius sit quam non sit*» [10, с. 8]. Х. Вольф оказал фундаментальное влияние как на Канта, так и на Шопенгауэра, о чем пишет А. И. Троцак: «Помимо языковой преемственности школы Вольфа, философия Канта и Шопенгауэра отразила ещё и ключевые логико-методологические тенденции вольфианской системы» [8]. Пользуясь определением Вольфа, Шопенгауэр, тем не менее, неоднократно его критиковал, полагая, вместе с тем, его философию одной из базовых для своей собственной доктрины. Характеризуя принципиальное значение закона достаточного основания, Шопенгауэр пишет: «...его можно назвать основой всякой науки. А наука обозначает систему познаний, т.е. совокупность связанных сведений, в противоположность простому агрегату их. Но что же иное, как не закон достаточного основания, объединяет члены известной системы?» [10, с. 8]. Таким образом, закон достаточного основания в понимании Шопенгауэра есть тот принцип, при применении которого снимается противоречие между членами отдельного ряда исходя из некоей общей объединяющей их идеи. То есть закон достаточного основания – это системный принцип организации знания. Это означает, что сам Шопенгауэр относит закон достаточного основания к области мысли, следовательно, рассматриваться он должен в границах гносеологии. Однако, с нашей точки зрения, область его применения должна быть значительно расширена, а именно: четыре прецедента закона достаточного основания дают разуму представление о конечном основании существования той или иной вещи. Но при отсутствии этого познающего разума вещь свое основание не меняет, и оно не пропадает вовсе. Таким образом, область отражения закона достаточного основания в философии – это онтогносеология. Кроме того, критическое мышление как таковое должно обнаруживать истинные конечные основания любого критикуемого им феномена или идеи. Именно эти конечные основания и представляет закон достаточного основания с абсолютной точностью. Таким образом, философия Шопенгауэра дает критическому мышлению общие принципы конечного верифицирования того или иного феномена или суждения. Сравнивая эти принципы с имманентной рефлексией по поводу их происхождения у самого субъекта, их высказывающего, критическое мышление, применяя закон достаточного основания, устанавливает границы их соотносимости и совпадения.

Что же касается той критической философии, которую мы встречаем непосредственно у Шопенгауэра, то в наибольшей степени критическому разбору им подвергаются те из мыслителей, которые, по его признанию, составляют в наибольшей степени основу его собственной философии. Таковы, например, Аристотель, Вольф и Кант. Так, в «Критике кантовской философии» он пишет: «Цель, достижению которой служит данное приложение, состоит, собственно, лишь в том, чтобы оправдать мое учение, поскольку оно во многих пунктах не только расходится с кантовским, но и прямо ему противоречит. Но разобраться в этом необходимо, потому что мое собственное движение мысли, при всем его отличии от кантовского, всецело находится под его влиянием...» [9, с. 351]. Все вышесказанное означает, что критический метод у Шопенгауэра лишен деструкции, а критические замечания в адрес того или иного мыслителя лишь позволяют раскрыть глубину его суждений.

Одним из результатов синтеза учения о законе достаточного основания и критической философии выступает у Шопенгауэра его система трансцендентальных предикабилей а priori. Соотнесение Шопенгауэром пространства, времени и материи с определенными априорными суждениями приводит его к созданию знаменитой таблицы *Praedicabilia a priori*, отдельные частные моменты которой отражают уже существующие в философии отдельные мысли концепции, а их группы – направления. При этом сама таблица не исчерпывается синтезом привнесенных суждений; они составляют лишь некоторую, не определяющую ее в целом часть.

Таким образом, встраивание суждений тех или иных мыслителей в эту таблицу есть результат работы критической мысли Шопенгауэра, которая в целом есть высшая форма критицизма классической рациональности, наследником которой в XX веке выступает Николай Гартман.

Изначально Гартман принадлежал к марбургской школе неокантианства, но достаточно быстро разошелся и с Когеном, и с Наторпом в вопросе о примате гносеологии в философии. Марбургский логицизм фактически отрицал онтологию. Как пишет Т. Н. Горнштейн, «если “в себе” существующее бытие не познается, значит, его вообще нет» [2, с. 10]. Однако А. Э. Бахметьев полагает, что философия Гартмана имеет много общего с феноменологией Гуссерля: «Онтологическая система Гартмана является противопоставлением как традиционной, так и современной онтологиям. Гартман пытается создать онтологию, фундированную теорией познания. Опираясь на гуссерлевскую концепцию, а точнее, на гуссерлевский закон интенциональности, Гартман создает критическую онтологию» [1, с. 24].

Как и Шопенгауэр, Николай Гартман в своих исходных посылах опирается на философию Канта и также подвергает ее критическому переосмыслению, но в несколько ином ключе. Шопенгауэр, как уже было сказано ранее, выстраивает, исходя из кантовского наследия, критическую методологию. Гартман, в свою очередь, применяет кантовский критицизм к онтологическим проблемам, смещая тем самым акцент в философии с гносеологии на онтологию. Как известно, в свое время Кант совершил так называемый «коперниканский поворот». Если продолжать эту аналогию, то Гартман совершает «бруновский поворот»: как Дж. Бруно, в свое время, основываясь на теории Н. Коперника, космологически ее переосмыслил и сделал своим частным случаем, так и Н. Гартман, основываясь на кантовском критицизме, преодолел догматический логицизм его последователей и создал новый тип онтологии – критическую онтологию. Он полагает, что примат гносеологии в философии теоретически ошибочен, поскольку мысли без бытия не бывает. Это положение легло в основу критики Гартманом Беркли, Канта и Фихте. Т. Н. Горнштейн пишет, что сам Гартман полагает, что никакого «возврата к онтологии», «возрождения онтологии» быть не может, поскольку она всегда присутствовала в философии безотносительно к своему статусу. Онтология понимается им как «*строгое* общее понятие сущего вообще (Des Seienden ueberhaupt)» [2, с. 13]. Критический же ее аспект, который сам Гартман полагал главнейшим, нацелен, во-первых, на выяснение обоснования всякого рода познания, а во-вторых, на анализ конечных оснований сущего и выявления в нем контекстообразующего противоречия. В этом отношении Гартман совершает революционный прорыв. Центральным противоречием сущего является не оппозиция материи и духа, или субъективного и объективного, или бытия и мышления. Гартман пишет: «Критическая онтология исходит не из противоположности субъекта и объекта, не из противоположности духа и материи, а из искусственной расщепленности бытия на идеальное и реальное» [Цит. по: Там же]. Поэтому Гартман не дает конечного ответа на вопрос о приматитете духа или материи в универсуме. Он утверждает, что такого приматитета просто не существует. В этом заключается еще одно отличие философии Гартмана от старых догматических или новых скептических школ. Если старые догматики всегда готовы дать однозначный ответ, а новые скептики просто не понимают предмета дискуссии, Гартман утверждает равенство обоих начал в действительности: «Действительный мир – и то, и другое. Основной ошибкой было то, что всегда считали, что мир должен быть или тем, или другим. Философ ничего не решает. Он только должен принять и понять» [Цит. по: Там же, с. 44]. Отметим, что помимо совершенно очевидного парафраза на Маркса, в этом высказывании Гартмана содержится прямое указание на то, что действительность обладает взаимоисключающими характеристиками, но при этом не снимается. Это означает, что противоположности базируются на взаимоисключающих и сопоставимых началах. Подобный принцип организации сущего – это принцип апоретической топологии, которая в максимальной полноте раскрывает себя в том случае, когда какой-либо из ее феноменов в целом находится в критическом состоянии. Таким образом, можно сделать вывод, что апоретическая топология – это форма бытия феномена-в-кризисе. Из этого следует, что критическая онтология представляется Гартману не только как синтез онтологии и гносеологии, но и как система координат существования феноменов, находящихся в критическом состоянии. Однако данное состояние вызвано не тем, что такова их внутренняя природа, а потому что они подчинены ультимативному пафосу действительности в целом. Кроме того, из всего вышесказанного следует, что концепция критической онтологии Николая Гартмана является высшей формой развития критической мысли, позволяющей применять критический подход к любой классической философской проблеме и вместе с тем составляющей, наряду со специальной и фундаментальной онтологией, ее третий тип, получивший название *критической* онтологии.

Итак, критицизм как таковой в своем становлении прошел, начиная с XVIII века, три этапа: от кантовского гносеологизма через шопенгауэровский онтогносеологизм к гартмановскому онтологизму. Постепенная онтологизация критицизма и последующее формирование критической онтологии доказывают, что критическое само по себе не есть порождение чистого разума, хотя в нем содержится. Это объективное базовое для универсума свойство, позволяющее существовать принципиальным контрадикциям внутри самого универсума. Как мы увидели, критическое состояние контрадикторных феноменов имеет апоретический статус, что свидетельствует о его привнесённом характере.

Все вышесказанное дает основание утверждать, что рассмотренные выше философы придали понятию «критическое» статус философской категории, имеющей право на существование как на гносеологическом, так и на онтологическом уровне. Благодаря их вкладу критицизм избавился от обыденной химеры скептицизма, сопровождавшей его в той или иной мере с античных времен. И. Кант, А. Шопенгауэр, Н. Гартман сформулировали чистое понятие критического. Если основываться на их трудах, то в перспективе понятие критического состояния, выводимое из общего понятия «критическое», может и должно получить статус априорного, что позволит перейти к созданию топологии критических состояний универсума.

Список источников

1. **Бахметьев А. Э.** Проблема интуитивного познания в контексте объективистской философии // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований: материалы XVI Всероссийской научной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. С. 24-28.
2. **Горнштейн Т. Н.** Философия Николая Гартмана. Л.: Наука, 1969. 278 с.
3. **Дешан Л.-М.** Истина, или Истинная система. М.: Мысль, 1973. 530 с.
4. **Кант И.** Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. Критика чистого разума. 798 с.
5. **Лифшиц М. А.** *Varia* [Электронный ресурс]. URL: <http://grundrisse.ru/books/1.html> (дата обращения: 08.11.2019).
6. **Муравьев А. Н.** О реальном основании, идейных предпосылках и значении онтогносеологии М. А. Лифшица [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-realnom-osnovanii-ideynyh-predposylkah-i-znachenii-ontognoseologii-m-a-lifshitsa> (дата обращения: 08.10.2019).
7. **Огнев А. Н.** Дисциплинарная структура онтогносеологии // Аспирантский вестник Поволжья. Философские науки. 2018. № 3-4. С. 22-28.
8. **Троцак А. И.** Закон достаточного основания как ключевое средство в построении философской системы (на примерах систем И. Канта и А. Шопенгауэра) [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/25b/07-Trotsak.pdf> (дата обращения: 08.11.2019).
9. **Шопенгауэр А.** Критика кантовской философии // Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 1999. Т. 1. С. 350-451.
10. **Шопенгауэр А.** О четвероюм корне закона достаточного основания // Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. Т. 3. Малые философские сочинения. С. 4-118.

TRENDS OF CRITICAL PHILOSOPHY IN CLASSICAL RATIONALISM OF THE XVIII-XX CENTURIES

Yurovitskaya Larisa Nikolaevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Samara State Technical University
yuro-lari@mail.ru

Yurovitskii Stanislav Vital'evich, Ph. D. in Philosophy
Samara State Academy for Gifted Children (Nayanova)
ystas79@yandex.ru

The article considers formation of the notion “critical thinking”, analyses conceptions of the key figures of critical philosophy I. Kant, A. Schopenhauer, N. Hartmann. The paper shows gnoseological nature of Kant’s criticism, reveals ontological essence of A. Schopenhauer’s conceptions and examines N. Hartmann’s critical ontology. The conclusion is made that critical philosophy acquires ontognoseological nature due to synthesis of two approaches: ontological and gnoseological ones. Prospects for developing a priori topology of critical states are identified.

Key words and phrases: ontology; gnoseology; ontognoseology; crisis; critical thinking; critical state; principle of sufficient reason.